

Отчего счастливая бабушка Ляля?

Боже мой, какие ужасные наступили времена! Как жить, как жить?! Сплошные неприятности! Никакого просвета! Денег катастрофически не хватает, кругом – суета, возня и прочая неразбериха, а уж политики, политики! За них и говорить нечего! Утром включила телевизор и – готовь антидепрессанты! Политики сошлись в очередной битве, выясняя, чья любовь к электорату сильнее, по городу рыщет свора маньяков, а в Нижней Кацапетовке какой-то недоумок польстился на пенсию несчастной старушки. Тьфу ты, пропасть! Как жить, как жить?!

А тут ещё последние колготки порвались, и на завтрак сплошные сосиски! Вдобавок ко всему – ранний звонок в двери. Маньяк, точно, маньяк! Ну, я ему сейчас, этому маньяку! Пожалеет, что на свет появился!

Не маньяк. Соседка. Глаза заплаканы. Собирает деньги. Умерла бабушка Ляля. Деньги даю. Как не дать? Бабушка Ляля – наша легенда. Лицо истории. Собственно, печального в её смерти немного – срок пришёл.

Бабушке Ляле было девяносто с хвостиком. Размер хвостика не знал никто. Даже она сама. А может быть, и знала, но, как любая женщина, кокетничала, скрывая свой возраст.

Она много кокетничала, бабушка Ляля. Однажды встретила меня на улице, остановила, и, приглядываясь уже слепыми, но очень ясными голубыми глазами, спросила:
– У тебя есть эта... Как её... Ну, мазилка для губ!
– Помада? – сообразила я, – Есть. А зачем она Вам?
– Так это ж... Меня на свадьбу пригласила! А там, говорят, дедок будет! Вот я и намажусь! Чтоб красивая была!

Я, посмеиваясь втихомолку, помаду дала. Не знаю, как она выглядела, но «дедок» после свадьбы у бабушки Ляли поселился. «Он же ж такой глупый, мой Серожа! – рассказывала она всем, – Ничего в жизни не понимает! Ну, да какие его годы! Молодой ишо!»

«Молодому ишшо Сероже» было около семидесяти. Он был сух, жизнерадостен и совершенно бестолков в житейских вопросах. Но бабушка Ляля это ему прощала. За молодость лет. Только любовно ворчала иногда: «Ох, Серожа, Серожа! Да на что ж тебе те картинки? Лучше б молока купил! Или крупы какой!»

«Картинки» были календариками, яркими блокнотиками, иногда дешёвыми журнальчиками, почему-то преимущественно женскими. Очень уж они нравились «Сероже». Он складывал их в ящик старого серванта и ревниво оберегал от чужих глаз. Бабушка Ляля ворчать ворчала, а и сама время от времени покупала такие картинки, приносила ко мне и смущённо просила: «Посмотри, а? Я-то совсем плохо вижу! Понравятся ему, не понравятся, как думаешь? Только чтоб без голых девок! Нечего ему на этот срам и бесстыжесть глазеть!» Я добросовестно разглядывала журнальчики и давала добро, если «срама и бесстыжести» не обнаруживалось. Бабушка Ляля засовывала журнал в сумку, и, довольная, ковыляла домой, чтобы порадовать своего «Серожу» новой игрушкой.

Говорят, в молодости бабушка Ляля была красавицей. Оттого и прозвали Лялей. Потом прозвище укоренилось, вытеснив собой настоящее имя – Олеся. Родилась Олеся в бедной семье, и сиротой осталась в шесть лет. Забрали девчонку к себе «добрые» люди, чтобы по дому помогала за горбушку хлеба. Дом у «добрых людей» был большой, и хозяйство тоже немалое. «Вот, бывало, пошлют они меня коровник чистить, а я устану – дитё ж совсем! – да так там и упаду спать! Однажды, помню, прямо на полу и уснула! А зима, холодно! Замёрзла бы! – смеялась бабушка Ляля, – Только тёлочка умная была! Легла возле меня, и согрела! А потом меня хозяева нашли! Уж лупили, лупили!»

Удивительно, как хорошо она помнила все подробности своей жизни. И ни разу, вспоминая эти подробности, не пожаловалась на чью-то злобу и несправедливость. «А когда я подрастать стала, – рассказывала она дальше, – уж такая была, уж! Краси-ивая!! Да ты не улыбайся, правду говорю! Что, думаешь, я всегда была беззубая да сморщенная? Нет, милая! Я статная выросла, полная, сиськи – во!» Она выставляла вперёд руки, демонстрируя, какие у неё были «сиськи». Впечатляло...

– Да, так вот! А у хозяйки-то сын был. Женатый уж, только жена от болезни померла рано. В-общем, вдовец. Сколько девок на него заглядывалось – не счесть! А он – ко мне, и так, и этак.... Прилип, как банный лист! А я что ж... Я и не против, он ведь – красавец-парень! Только вот мать его... Я ж бедная, в работницах у них, куда ж! Но он

упрямый был, ох, упрямый! «Женюсь! – сказал, – и точка!» Ну, женились мы, да. Только из дома этого пришлось уйти. Выгнала нас свекруха. Две подушки дала, одеяло и сказала: «Сами решили – сами живите! Вон сараюшка, там вам самое место!» А сараюшка-то... Крыша дырявая, печки нету. Спали вначале на соломе. А потом ничего, крышу залатали, печку построили... В-общем, хорошо жить стали! А тут – война. И забрали его сразу. Уж я ревела, ревела... Проводила, и всё. Ни весточки. Ждала, ждала... Долго ждала. Думала, убили. А потом сосед вернулся, Васька, без ноги он, так и отпустили домой. Вернулся и говорит: «Твой-то живой! Только раненный он, без ног. Лежит в госпитале». В этом, как его...

Бабушка Ляля задумалась, махнула рукой и сказала:

– Кастане!

– Где? – не поняла я, – В Казахстане?

– Вот-вот! Ну, я сухарей взяла, да и пошла!

– Куда?!

– Ну, в Кастан этот!

– Пришла?!

– Ну да!

– Ногами?! – изумилась я.

– Ну, где шла, где подвезли! Солдатики ехали и подвезли. Там у них больница такая...

Все инвалидики... Кто без рук, кто без ног. Лежат, бедняжечки, молоденькие такие! И мой там. Домой-то не писал! Без ног потому что. Чтоб обузой не быть. Не хотел со мной ехать! Всё плакал, плакал. А как же я его оставляю? Муж ведь! Взяла на закорки и понесла!

– На себе?! – поразились я – Вы ж такая маленькая, бабушка!

– Да, маленькая! – засмеялась она, – Я – маленькая, но сильная! Мужик-то – мой! Вот и тащила! Да машины, до вагона... А тут уж, до дома, пешком! Культяпки у него сильно болели, кровью сочились. Вот я и торопилась, чтоб не заболел совсем, и не помер в дороге! Успела... Дома-то легче – и фельшар был, и свекруха! Выходили. Только он всё никак не успокаивался, сына своего вспоминал от первой жены. Сына-то её родители забрали к себе, а потом, как война началась, померли они. То ли от бомбёжки, то ли ещё от чего. А мальчишку в детский дом отправили. В тыл. Ну, так что ж... Раз он плачет, надо, значит, сына найти, и забрать! Собралась я и пошла. Да!

Я уже не переспрашивала, куда. По-моему, ради мужа она могла пойти и на Аляску. «В-общем, нашла тот детский дом, мальчишку забираю – а он в рёв! У него там дружок завёлся. Они были прямо не разлей вода! Вот и ревели оба, расставаться не хотели. Ну, я к заведующей – отдайте, говорю, и второго! Отдали. У второго-то тоже никого – ни матери, ни отца. А тогда сирот много было, вот и отдавали, если найдётся добрый человек! Не то, что сейчас. Ну, так взяла я их и привезла домой. Уж мой-то как обрадовался! Правда, плохо нам пришлось, голодно. Свекруха старая стала, ослепла. Вот. На кого надеяться? Только на меня. Уж так работала, так работала! Заработаю хлебушка, принесу им, а они и рады! Но не смогла я... Пацанов-то спасла, а мой...

Отчего счастливая бабушка Ляля

Автор: admin

14.04.2011 19:22 - Обновлено 31.10.2014 06:56

Муж мой помер. Так вот. Утром ушла на работу, вечером вернулась – а он уж холодный. Так и не знаю, отчего помер. Может, болезнь какая, а может, мало я его кормила. А потом и свекруха... За ним следом. И осталась я одна, с пацанами. Ну, что делать? Вырастила! Шас письма пишут, да! Один-то в Киеве живёт. Уж внуки у него взрослые. Второй – совсем больной, дом у него в Молдавии. Пишет мне: «Вы, мама, давайте к нам, рядом чтоб!» Да разве ж я Серожу брошу? Ох, домой пора! Он там один, как бы не случилось что!»

Бабушка Ляля спохватывалась и торопилась домой, к своему «Сероже». Я знала, что она говорит правду. И мужа принесла на плечах, и детей забрала. Соседи подтвердили. Наверное, не из Казахстана – это бабушка Ляля что-то перепутала – но разве в этом дело? Дело в том, что поступить иначе она, конечно, могла. Могла, но даже не мыслила. Просто – пошла и привезла. Каким чудом она справлялась, где брала силы – Бог весть. Знала я и то, что приемные дети ей не пишут. Это уж бабуля нафантазировала! А может, и сама поверила в свои фантазии, вот и рассказывала о несуществующих письмах. Но, опять же, дело не в детях. Мало ли детей забывают своих кровных родителей, а тут – неродная мать!

Дело в том, что сама бабушка Ляля считала себя очень счастливым человеком. Счастливым не почему-то, а просто – счастливым, и всё. Как-то я попробовала ей посочувствовать. Мол, и пенсия маленькая, и жизнь такую тяжёлую прожила, и вообще, бедные наши старики! Но она посмотрела на меня снисходительно, улыбнулась и сказала: «Эх, дочка! Это я-то несчастливая?! Знаешь, как меня муж любил? А дети какие красивые выросли! Статные, здоровые! Хорошие у меня мальчишки были! Я, бывало, с работы иду, а они навстречу бегут: «Мамка, мамка пришла!» Как вспомню, так и на душе радостно! А пенсия? Что пенсия? У меня теперь Серожа есть, значит, две пенсии уже! Ничего, живём потихоньку! Мясо, правда, не покупаем, а так... Крупа там, молочко... А нет молочка – и чайку попьём! В войну-то, бывало, из коры лепёшки делали, и ничего, выжили! Вот так. А ты говоришь – несчастливая!...»

«Серожа» умер полгода назад. Теперь вот и бабушка Ляля за ним ушла. Хоть и срок ей, а всё же жаль...

Собираюсь и выхожу на улицу. Надо же! Заснеженные улицы, лёгкий мороз, огромные сосульки, свисающие с крыш... И среди всего этого запоздалого зимнего великолепия – чёрная, взъерошенная от неожиданного холода, оготело вопящая стайка птиц. Весна! Весна! Птицы кричат, коты маются в любовной тоске, и хочется романтики, нежности и такой же изнуряющей блаженной маеты!

Отчего счастливая бабушка Ляля

Автор: admin

14.04.2011 19:22 - Обновлено 31.10.2014 06:56

Настроение неожиданно меняется, и уже без грусти, очень тепло вспоминается, как любила бабушка Ляля перелётных птиц. Стоило им появиться после долгой зимы в её маленьком дворике, как она оживала, радостно улыбалась и приговаривала: «Прилетели, скворушки! Зиму провожают! Будем жить!» Все птицы, прилетающие весной, для бабушки Ляли были «скворушками».

Автор - **Ольга Кочева**

[Источник](#)